

ОДНА, НО ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ

VII Международный фестиваль камерных и моноспектаклей LUDI

Открывая театральный фестиваль LUDI, его директор, художник «Свободного пространства» Александр Михайлов сказал, что в этом году театральный праздник с многозначительным названием сделает акцент не на своей игровой составляющей, а на людях. Орел действительно встретился с Людьми, ранее неизвестными, но теперь неразрывно близкими. Актеров, режиссеров, зрителей объединили искусство и реальность, страдание и очищение... Но первую скрипку в общем настроении — непростом, драматичном, заставляющем думать — все же играла любовь.

ВЕРЮ В НЕЕ, КАК В БРИТВУ

Государственный театр «Суббота» из Санкт-Петербурга поведал зрителям «Пять историй про любовь» (Гран-при фестиваля) и много всего про жизнь. В основу постановки режиссера Татьяны Ворониной легла пьеса Елены Исаевой. Спектакль запомнился и остался в душе ощущением светлой радости и благогоудатной печали. Затронул самые тонкие и звонкие струны. Его герои словно делают ряд недолгих остановок в бесконечной погоне за счастьем. Искренние незамысловатые воспоминания, рассказанные на бегу, полны предвосхищения и надежды, возможно, грусти, боли, но

«Пять историй про любовь». Лена маленькая — К. Якунина, Мама — М. Коношко. Театр «Суббота» (Санкт-Петербург)

«Это я – Эдит Пиаф». Моноспектакль И. Джапаковой. Вологодский камерный драматический театр

никогда не сожаления. Чемоданно-литературная канва сценического повествования обрамляет отдельные эпизоды жизни маленькой (**Кристина Якунина**) и большой (**Анна Васильева**) Лены в бесценные картины музея человеческой души. Здесь нет статичности, второго шанса и второго плана. Нужно жадно хватать возможность уловить, запечатлеть, понять. Стучат колеса поезда, музыка звучит, снег идет, все стремится и уносится вперед. Живи сейчас! В череде событий, радостей и разочарований видится священная неразрывность времен, героев, поступков, актеров и зрителей. Актеры, такие разные, плетут клубок судьбы, как мифические парки. Достигают апогея интимности во взглядах и жестах, балагурят, не пытаются сдерживать слезы, прощают, удивляются. Главное, всем существом понимают, что говорят и что делают, проживая на сцене сокровенное, родное.

Моноспектакль «**Это я – Эдит Пиаф**»

Вологодского камерного драматического театра – тоже про любовь – в образе сильной и слабой, простой и необыкновенной женщины, которая любила, страдала и пела, как дышала. Героиня **Ирины Джапаковой**, сотканная из фактов биографии неповторимой певицы, литературных размышлений **Нины Мазур** и режиссерского видения **Якова Рубина**, не могла оставить равнодушными. Монолог о жизни, полной радости творчества и отчаяния потерь, Пиаф начинает с совершенно неожиданных слов: «Я умру». Рефрен этого трагического ожидания, словно страшная констатация, будет пронизывать весь спектакль. Но вместе с тем он рождает истину и достоверность в наивысшей степени. Героиня со страстью хочет вписать собственную маленькую жизнь в историю огромного мира, опасаясь остаться непонятой. Черным скотчем на стене она выводит свое имя. Неблагозвучие этого жуткого скрипа контрастирует с богат-

«Мой бедный Марат». Леонидик — М. Дементьев, Лика — А. Маззенкова, Марат — М. Маликов.
Московский театральный центр «Вишневый сад»

ством вокала, как рождение и смерть, горе и радость. Порой воспоминания приносят не то что душевную — физическую боль певице, прошедшей путь от маленького воробышка до прекрасного лебедя... Черного...

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО СЧАСТЬЯ

Спектакль «Мой бедный Марат» Московского театрального центра «Вишневый сад» — больше чем любовный треугольник, хотя действие в пьесе Арбузова строится именно на чувствах троих. Ансамблем виртуозно руководит режиссер-постановщик **Вера Анненкова**. Война сожгла все без остатка, но она не властна над светлыми сильными чувствами — «удачливой» Лики (**Алина Маззенкова**) и «веселого» Марата (**Михаил Маликов**). До срока повзрослевшие, привыкшие ко всему, даже к смерти, люди теперь вместе. Но вот готовы ли они понимать друг друга, противостоять собственной гордости и великодушию?..

Актеры вдохновенно и трепетно показывают, как персонажи отогреваются, когда закончилась тишина одиночества. На волнах неистового океана горя кружится лодка, в которой двое счастливы. И совершенно в этом не виноваты. В уютное логово волей судьбы попадает Леонидик (**Максим Дементьев**). Ревность сначала кажется даже комичной, забавной, пока не понимаешь, сколь серьезные ее муки. Далее в спектакле рефреном, как разрывы мин: выбор, выбор, выбор. Психологизм, завязанный на общечеловеческой трагедии, переходит в разряд личностного. В обыденных для своей эпохи и страшных для человечества ситуациях актеры проносят вечную мысль: люди должны жертвовать чем-то для окружающих и при этом всегда хранить верность мечте. Эти слагаемые парадокса счастья порой настолько противоречат друг другу, что уравнение не имеет решений.

«Клятвенные девы». Дядя Кеки — Н. Исаева, Лири — В. Саленкова. Театр «Свободное пространство» (Орел)

ЛЮБАЯ ЛЮБОВЬ, ЛЮБАЯ

Театр «Свободное пространство» в «Клятвенных девах» («Лучший актерский ансамбль») возвел любовь до наивысшей степени жертвенности. Режиссер **Владимир Ветроганов** своих героинь при первом сближении со зрителем рисует скорее как плодородную пашню, в которой от многовековой засухи томятся так и не проросшие зерна чувств. Для всех изголодавшихся по счастью этот неурожай оборачивается ненавистью, словно червь, подтачивающей изнутри. В семье дяди Кеки (**Нона Исаева**) уже давно одни тени: сестра Теута (**Маргарита Рыжикова**), спасающаяся от мира таблетками и алкоголем, племянница Лири (**Виктория Саленкова**), прикованная к инвалидному креслу, Эдона (**Олеся Балабанова**), после потери мужа и трагической болезни сына взявшая на себя обет полусумасшествия и немоты. Осветить непроглядную тьму колодца этих жизней должна невестка Розафа (**Эльвира Кузнецова**). Судь-

ба не поцеловала дядю Кеки в макушку. Она шершавым языком слизала красоту, чувства, надежду. Заковав себя в мужскую суровость, этот персонаж слишком туго затянул железные обручи. Никто вокруг не может свободно дышать. Однако у колосса вместо глиняных ног — большое сердце. Лири каждый новый день приходится встречать, пряча за грубостью — ранимость, за невинными шутками — скуку, за монотонной работой — свой внутренний мир, за независимостью — тягу к трепетной дружбе. Спектакль, как безжалостный доктор, ломающий неправильно сросшиеся кости, завершает сцена своеобразного заветования дяди Кеки. Это не последние слова на смертном ложе. Это жестокая схватка со своими чувствами и чужими мечтами. Это завет любить.

ДУША ПОЭТА

Постановка Орловского муниципального драматического театра «Русский стиль» имени М.М. Бахтина «И плы-

«И плывет корабль...». Орловский драматический театр «Русский стиль» им. М.М. Бахтина

вет корабль...» ушла от атмосферы драматизма, удивительным образом возведя красоту бунинского образа в степень. Режиссер **Валерий Симоненко** переносит публику не на десятилетия назад, а в новое измерение. Его герои — творцы событий — выходят на сцену-палубу воспоминаний, располагаются, как удобно, думают, вдыхают соленый от слез и расставаний воздух прошлого. Рождается ощущение абсолютной внешней гармонии, но внутреннего успокоения персонажам вряд ли удастся достичь. Действо наполнено не только кристальной печалью и воспоминаниями, но и бесшабашной энергией, лукавым озорством, счастливым предвкушением. (**Евгений Безрукавый** удостоен специального приза жюри «За талантливое актерское прочтение прозы И. Бунина».)

ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕРТА

Если идти по мрачно-эмоциональной нарастающей, следующим из увиденных должен быть спектакль **Калужского об-**

ластного драматического театра «Тихий шорох уходящих шагов». Режиссер-постановщик — **Иван Миневцев**. Он о том, как родные люди трагически разучились слышать друг друга, как непонимание и выгода стали бичом священных семейных уз, а бытовые темы, пустые размышления заменили искренность и уважение.

Главный герой Саша (**Денис Ющечкин**) с одержимостью и трепетом хочет узнать, любил ли его почивший отец. Он не надеется на собственную память и восприятие мира, обращаясь для разрешения терзающего вопроса к некому загадочному специалисту, которому подвластны тайны подсознания. Так встречаются два пласта. Реальность, неприглядная, коварная, где родные дочери на могиле родителей делают печальные лица исключительно для селфи, слезы, раскаяние заменяются «общими местами»... И мир сюрреалистичный, стоящий над обыденностью, но пропитанный ее ядом. В нем для сближения лю-

«Череп из Коннемары». Мик Дауд — В. Ильин. Пермский Театр «У Моста»

дей еще больше барьеров, материализовавшихся в виде сколоченной из досок глухой стены. Спектакль пронзительно и настойчиво напомнил, как важно хотя бы изредка чистить колодец своего сердца: аккуратно пройти по стенам жесткой щеточкой, убрать мутный ил со дна...

Наперекор большинству спектаклей фестиваля, которые были о жизни, пусть и непростой, **«Череп из Коннемары» Пермского Театра «У Моста»** (режиссура и сценография **Сергея Федотова**) стал певцом смерти: неприятной данности, но не избавления. Гротесковый психологизм на фоне черного юмора довел таинственное, порой абсурдное звучание пьесы **М. МакДонаха** до апогея. В ней нет чувствительных натур и тонких характеров и даже униженных или оскорбленных. Зато есть пленительная длительность и вместе с тем какая-то тяжесть мигрени в разговорах, сиюминутных перебранках, вспышках гнева, гром-

ком смехе. Зритель принимает все это без условностей и уступок, как стеклянный глаз моряка, как бородавку на носу старухи. Основная мишень спектакля — беспросветное невежество, оторванность от корней. Драматизм переплетается с темой формирующей среды: черепа на столе смотрятся страшнее, чем в гробу. Человек, выросший среди могил, будет воспринимать кладбище как родину. Воспитывающийся среди мерзавцев найдет мораль в их поступках. Поэтому антураж здесь дан в превосходной степени. Сцена словно делится на два мира, неожиданно, но верно перетекающих друг в друга: обстановка маленькой грязной комнаты и кладбище, пугающее шоковой реалистичностью. Холод тумана пронизывает до костей, скрипы кажутся воззванием мертвецов, засохшие деревья — призраками. Сергей Федотов объединил самые важные и бессмертные темы, скрестил правду с символизмом, обреченность с приемственностью.

«Карамазовы». Сербский Театр «Slavija»

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Но все же не пермяки дошли до Эвереста неоднозначности, а спектакль «**Карамазовы**» сербского Театра «Slavija». Действо началось весьма зрелищно. Громогласный стук сердца, зловещий дым и чуть ли не запахи серы. Крест, составленный из металлических клеток, буквально кричал, что человек не только несет свой рок, но и является заложником судьбы. На этом фоне в атмосфере вежливого безразличия светской вечеринки герои за коктейлем говорят и об особенном сорте людей, и о воровском времени, и о России — матери и мачехе, и о бессмертии души, и о добродетели, и много еще о чем.

Режиссер **Владимир Лазич** выделил и провел сквозь призму своего сознания одну ключевую тему — большую любовь. Но лейтмотив так близко соседствует с размышлениями о ЗЛЕ, что две идеи буквально сливаются. Постановщик выступил своеобразным антиэкзорци-

том. Он не очищает героев, вслед за Достоевским проводя их через страдания, а, напротив, словно подсекает в их тела какие-то метущиеся сущности. Оттого и любовь здесь — полное безудержное сумасшествие. Эти волны так неистово бьются, что берега реального, прозаического сосуществования людей полностью скрываются за пеной страсти. Карамазовы препарированы как клан, как тип людей, как мучители и мученики. В образах братьев Ивана, Дмитрия, Алехи сталкиваются в хаосе, но все же просвечивают хрестоматийные идеи Достоевского. Федор Карамазов (**Бранко Джурич** — «**Лучшая мужская роль**») представлен совершенно оригинально и весьма любопытно. Это некий престарелый полусумасшедший американский миллионер, глава большого бизнеса и большой подлец, которого с детьми связывают непрочные ниточки наследства. Захочет кукловод — и оборвет слабую паутинку. Он жутко подоз-

«Кабаре». Моноспектакль Б. Дьюти. «Big Empty Barn Productions» (США)

рителен и дьявольски расчетлив, презирает всех вокруг, уважая лишь наслаждение, деньги, женщин. Упивается тем, что его не за что любить. Символизирует пришествие в город то ли ангела, то ли беса. Один из наиболее ярких, хоть и отталкивающих, неожиданных характеров в рамках режиссерского задания.

Завершил фестиваль еще один «страшный» спектакль — «Кабаре» «Big Empty Barn Productions» из США («Лучший моноспектакль»). Но на сей раз душу леденили не раздробленные черепа Мак-Донаха, а разгромленная жизнь Берлина 1933 года (режиссер — Дэйв Доусон).

Актер **Бремнер Дьюти** рассказал написанную им самими остро-трагическую историю импресарио кабаре, который единственным уцелел из всей труппы в эпоху тотального безумия 30-х годов. Его обращения к публике звучали зловеще и пронзительно, в них боль,

страх, упрек, любовь. Увенчалась исповедь-отповедь пламенным личным призывом к бунту, сдержанным всегда существующей диаметральной возможностью выбора, и поддержанным многогранным талантом. Актера выхватывает из темноты и оживляет луч света точно так, как он будет выхватывать из прошлого и воскрешать своих друзей, чтобы рассказать о взаимоотношениях власти и культуры, людей и демонов, исполнить «Блюз XX века» — гимн людей, молча созерцающих горящую деревню. Импресарио покидает оскверненное кабаре медленно, будто с корнями вырывает из сердца. И вслед ему, как и ушедшему фестивалю, хочется сказать: «Спасибо за память».

Ольга СУДАРИКОВА

Фото Николая РОЖКОВА и Александры СОНИНОЙ